

изводственные процессы в древности, а металлургические в особенности, сопровождались ритуальными действиями.

По комплексу предметов, главным образом — медным наконечникам стрел, можно определить время существования иткульского поселения на острове Каменные Палатки: V — начало III вв. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельтикова Г. В. О зауральской металлургии VII—III вв. до н. э. // ВАУ. 1981. Вып. 15.
2. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.

Ю. П. ЧЕМЯКИН

СЕЛИЩЕ БАРСОВА ГОРА 1/43 — ПАМЯТНИК КАЛИНКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В середине 1970-х гг. уральскими археологами, проводившими раскопки в урочище Барсова Гора в Сургутском Приобье, была выделена своеобразная группа памятников, датированная примерно VI (V) — IV (III) вв. до н. э. [1, с. 43; 2, с. 55—57, 60—62, рис. 4; 3, с. 114, рис. 6]. Ее облик, проявившийся в оригинальной планировке поселков, форме сосудов и характере их орнаментации, присутствии костей лошади на памятниках и в ряде других черт, не находил корней в аборигенной культуре. С тех пор были выявлены 8 городищ и 20 селищ, около 8 местонахождений керамики на Барсовой Горе и в районе Сайгатино (Средняя Обь). Близкая по облику керамика найдена в Няксимволе. В 1990 г. подобные памятники обнаружены в верховьях р. Казыма (городище Нумто II). В литературу они вошли как «памятники четвертой группы» [3, с. 114; 4, с. 74—75; 5, с. 70, 105] (в пределах I тыс. до н. э., а не в рамках какого-либо этапа или эпохи). Налицо произвольность отсчета и соответственно условность наименования. В начале 1980-х гг. памятники этого типа были выделены нами в калинкинскую культуру [6, с. 138—139]. Для этого, как нам кажется, есть достаточно оснований. Неоднократно отмечалось своеобразие ее материальной культуры. Здесь и преобладание чашевидной (с прямой шейкой) формы посуды, в то время как на других памятниках этого времени доминируют котловидные, а чуть позже — горшковидные сосуды. Оригинальна их орнаментация, проявляющаяся в большой доле гладкого штампа, почти не применявшегося в инокультурных па-

мятников; композициях из вертикальных (наклонных) и чередующихся в шахматном порядке горизонтальных оттисков штампа; наличии неорнаментированных зон в основании шейки и на плечиках; наконец, в широком применении жемчужин (глубоких ямочных вдавлений с внутренней стороны шейки) в разделительных поясах. На этих памятниках до сих пор не найдено культовое литье, хотя абсолютизировать этот факт рано. Линейная планировка поселений и плотность в расположении построек позволяют определять их культурную принадлежность даже без раскопок. Небольшие отличия есть и в конструкциях жилищ [7]. Находки костей лошади на многих калинкинских селищах и отсутствующие как на более ранних — эпохи бронзы, так и на одновременных белоярских памятниках, свидетельствуют о знакомстве калинкинцев со скотоводством или его элементами. Наконец, памятники калинкинской культуры четко локализованы, хотя можно ожидать, что расширение исследований в таежном Приобье раздвинет ее границы. Они достаточно хорошо изучены. Полностью раскопаны три городища: Барсов городок I/22, III/2 и III/4. Большие работы проведены еще на 20 селищах и городищах. Вскрыто более 40 жилищ и хозяйственных построек.

Однако длительное отсутствие культурного определения «четвертой группы», с одной стороны, и малое количество публикаций — с другой, привели к тому, что ее стали рассматривать в рамках самых разных образований. Так, Л. А. Чиндина включила эти памятники в число раннекулайских (городище Барсов городок I/13) [8, с. 16]. Характеризуя материальную культуру васюганского этапа, она описывает нож с поселения Барсова гора III/4 [8, с. 24]¹. В свою очередь, Н. В. Полосьмак считает возможным отнести ее к новочекинской культуре [5, с. 70, 105, 106]. Не вдаваясь в дискуссию, заметим, что сегодня правильнее было бы говорить не о новочекинской культуре, а о группе (или типе) памятников, локализованных в устье р. Чеки и прилегающем бассейне р. Тары и отличающихся как от калинкинских, так и от богочановских. Такое разнообразие мнений относительно памятников калинкинской культуры делает особенно актуальной публикацию исследованных поселений. Одно из них — селище Барсова гора I/43, раскопанное автором в 1978 и 1980 гг. в одноименном урочище, раскинувшемся на правом (высоком) коренном берегу Оби и ограниченном на востоке р. Барцевкой, а на западе — р. Калинкиной (Калининой). Впервые описано В. Ф. Кернер в 1974 г. как селище Барсова гора I/3, состоявшее из 13 приподнятых площадок, расположенных двумя группами [9, с. 13, рис. 10]. Более поздние обследования и раскопки показали, что эти группы — два самостоятельных памятника. Северо-восточная группа получила название Барсова гора I/43 (рис. 1. А).

¹ По скорректированной нумерации памятников Барсовой Горы это селище получило наименование Барсова гора III/7.

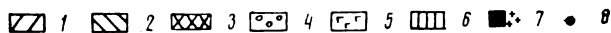
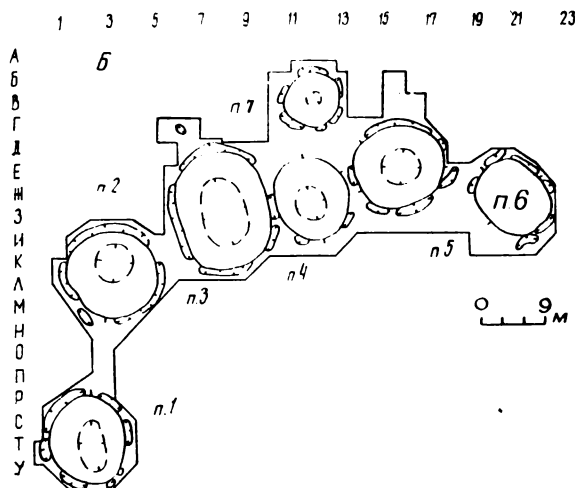
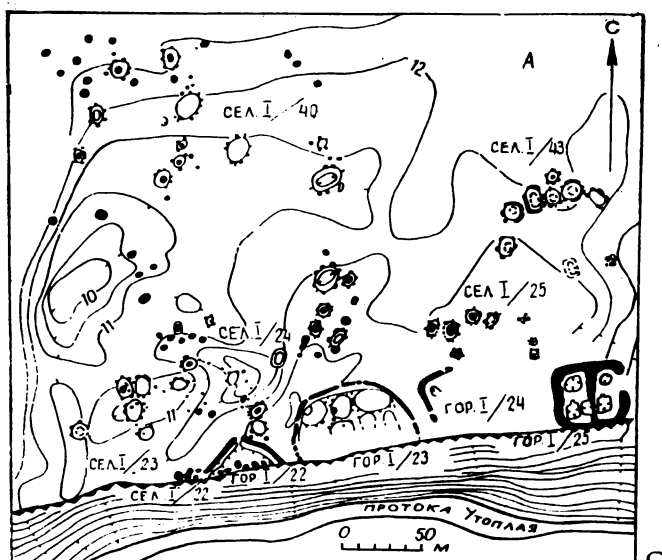
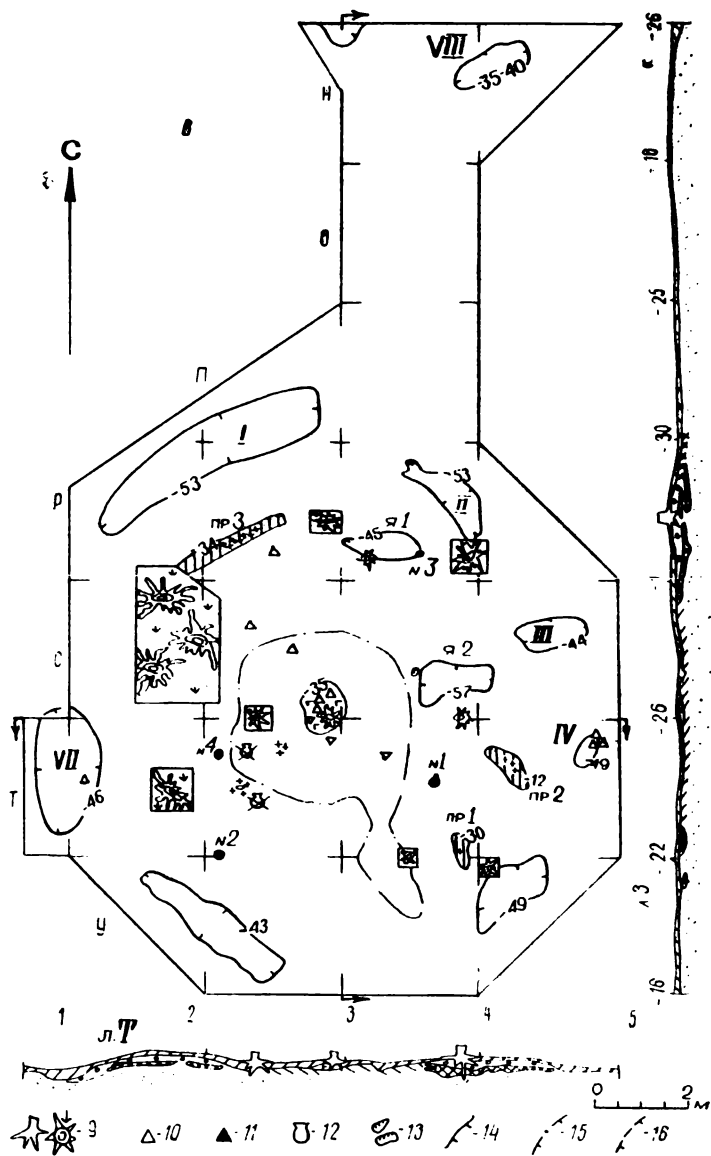

Рис. 1. План расположения селища Барсова гора I/43 (А);
Здесь и на рис. 2—4: 1 — лесная подстилка и подзол, 2 — желтый
4 — желтый переотложенный песок, 5 — бурый очажный слой, 6 —
линкинская керамика, 11 — барсовская керамика, 12 — развалы
гребенного подзола, 16 — плохо фиксируемые границы; л. — линия,

Селище находилось примерно в 9 км к западу от Сургута и в 860 м к востоку от пос. Барсово. Оно было расположено в глубине второй террасы, в 120 м к северу от края берега протоки Утоплой, на высоте 15 м от уровня воды в ней. Сейчас на этом месте построена трубная база, уничтожившая памятник. Селище состояло из семи построек, остатки которых хорошо заметны на поверхности в виде овальных или округлых, приподнятых на 5—15 см от поверхности площадок с легким углублением в центре. Они были окружены внешними ямами и канавами. Размеры площадок — от 7×7 до 15×11 м. Пять из них вытянуты в одну линию с запада на восток, при этом крайние объекты чуть отклонялись к югу. Одна площадка находилась южнее основного ряда (с западной его стороны). Наконец, седьмая площадка примыкала к ряду с северной стороны, посередине его. Общая площадь раскопок составила 1266 м² (см. рис. 1, Б).

Раскопки показали, что все объекты представляли собой наземные постройки, совершенно не углубленные в землю. В центральной их части, вокруг очагов, подзол был вытоптан, но вдоль стен сохранился. Это свидетельствует о том, что по периметру жилищ пол был чем-то перекрыт. Никаких следов стен не обнаружено, однако, судя по конфигурации внешних ям, постройки имели прямоугольные очертания.

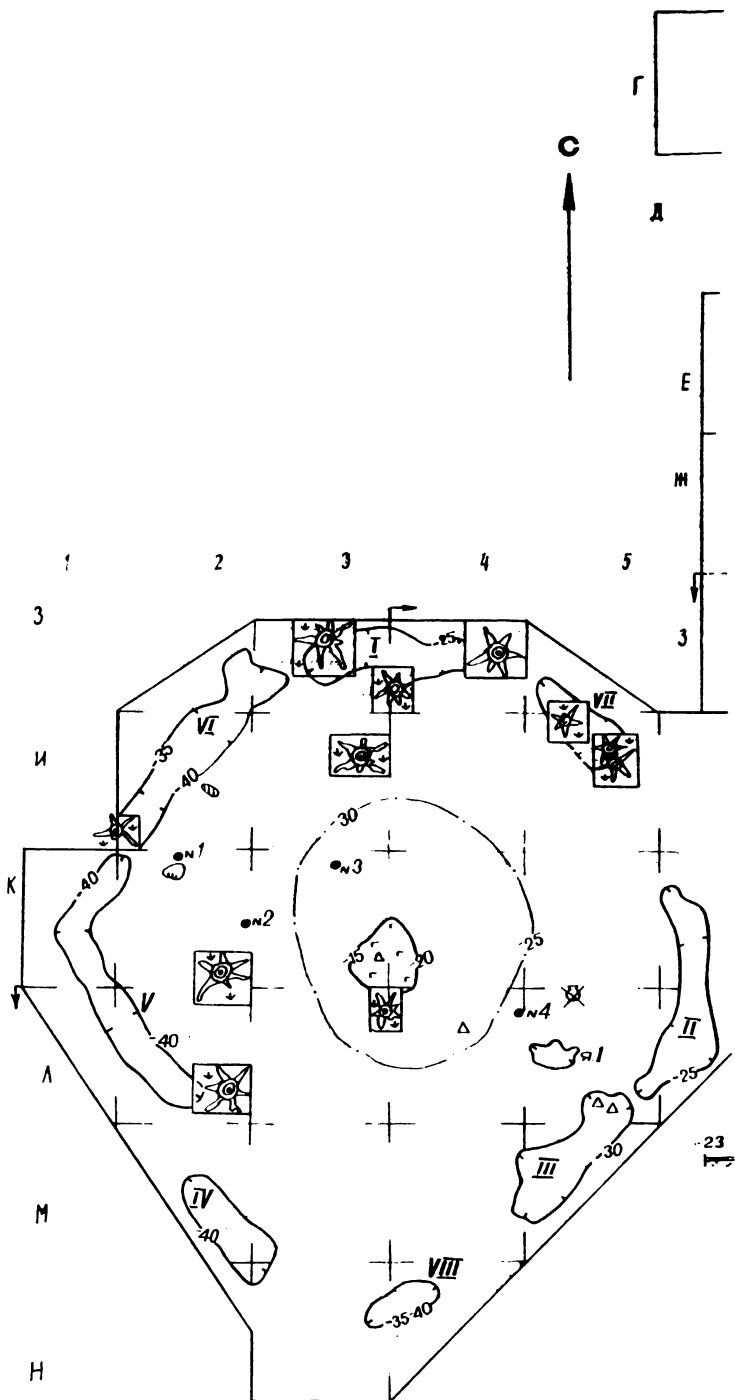
Жилище 1 (см. рис. 1, В). В центре его был очаг-коптище, остатки которого представляли собой линзу бурой супеси, насыщенную мелкими угольками, пережженными косточками, а также обломками керамики, тиглей и каплями бронзы. Юго-западнее его лежали развалы двух сосудов. Севернее и восточнее, рядом с углублениями, служившими, возможно, для хозяйственных целей, найдены четыре крупных гальки. Скорее всего, они использовались как орудия. Углубления, несмотря на сравнительно большие размеры ($1,6 \times 0,7$ и $1,6 \times 1-0,5$ м), были мелкими — от 8 до 16 см. Две более глубокие, но меньшие по размерам, ямки находились у юго-восточной стены. Глубина их — 20 и 35 см соответственно, в заполнении прослеживались отдельные угольки, а также прокаленные и углистые прослойки. Северо-западнее очага, в 3,5 м от него, на погребенном подзоле была зафиксирована прокаленная полоса с угольками, вытянутая по линии запад-юго-запад — восток-северо-восток, параллельно внешней канавке. Длина ее — более 2,6 м (западный конец терялся в корнях сосны), ширина — 0,3 м. Прокал мог образоваться от бревна, лежавшего в основании стены. Четыре небольших углубления, оставшиеся, возможно, от столбов, не дают оснований для реконструкции ни стен, ни кровли. Выход, скорее всего, находился в юго-восточной стороне, где наблюдался наибольший разрыв между внешними ямами (до 4,5 м). В этом же направлении на полу жилища протянулся желтый «язык» длиной 2,2, шириной — до 0,9 м, возникший от вытаптывания (?) подзола. Таким образом, выход был направлен в противоположную от остальных жи-

лищ сторону. Предположительные размеры постройки — 9×8 м. С внешней стороны снизу стены присыпались песком. При его выборке вокруг жилища образовалось семь внешних ям и канавок длиной от 0,8 до 5,4 м. Заполнение этих ям нередко не отличалось от материкового песка, отчего их истинные размеры было невозможно определить. Однако следы и примерную конфигурацию их сохранил мощный слой подзола, возникший в них и уходивший иногда глубже уровня дна ям. Под этим слоем обычно наблюдался ортзанд. Глубина ям до 0,5 м и больше. В ямах IV и VII найдены фрагменты керамики.

Жилище 2 (рис. 2) находилось в 11 м к северу от первого и во многом походило на него. В центре был такой же очаг-кострище мощностью 10—15 см, под которым зафиксирован прокал толщиной до 5 см. В очаге найдены обломки керамики, а рядом с ним — осколки сырых костей. В их числе оказались фрагменты метаподия и берцовой кости северного оленя². Около юго-восточной стены обнаружена яма глубиной 17 см. В ее заполнении встречены угольки, а на дне и вдоль стенок залегал тонкий слой подзола. Недалеко от ямы найден развал сосуда. У северо-западной стены жилища выявлены два небольших пятна прокала. В расположении четырех ямок от столбов (?) трудно усмотреть какую-то закономерность. Наиболее вероятные размеры сооружения — $9,5 \times 9$ м. Выход, скорее всего, находился с южной стороны, где между внешними ямами было наибольшее расстояние. Жилище было окружено семью ямами и канавами длиной от 2,7 до 6,75 м, глубиной — до 25—30 см. Уплотненное дно канавы VI с северо-западной стороны постройки частично прокалено, в ней найдена керамика. Несколько фрагментов от сосудов обнаружено и в канавке III с юго-восточной стороны дома.

Жилище 3 (см. рис. 2) находилось в 7 м к западу-юго-западу от второго. Еще до раскопок оно отличалось вытянутыми пропорциями. Вдоль его продольной оси, на расстоянии 2,5 м друг от друга, располагались два очага. Мощность бурого слоя в них достигала 10—17 см, а прокалов под ними — 5—7 см. В обоих очагах найдены капельки бронзы, а в южном — еще и фрагменты керамики. Обломки сосудов были и рядом с северным очагом. Между очагами плохо фиксировалась яма глубиной более 40 см. Недалеко от северо-западного угла жилища было расчищено прокаленное пятно. Из девяти столбовых ямок четыре располагались вдоль продольной оси, еще по две были в северо-западном и северо-восточном углах. Выход мог находиться в юго-восточном или северо-западном углу. Находки в жилище, представленные обломками сосудов, были сосредоточены у северной, южной и середины западной стен. Предположительные размеры постройки — $14,5 \times 10$ м. С внешней стороны ее окружали девять

² Определение кандидата биологических наук, научного сотрудника Института экологии растений и животных УрО РАН П. А. Косинцева.

ям и канав длиной до 10,6 м, глубиной — до 40—50 см. Дно одной из ям напротив юго-западного угла жилища было частично прокалено.

При рытье канавы *I* с северной стороны были прорезаны очаг и провал, оставшиеся от постройки эпохи бронзы (?). Очаг по своему строению не отличался от обнаруженных в калинкинских жилищах, однако керамики в нем не было. Мощность бурого слоя, слагавшего его, достигала 5—12 см, а прокала — 10 см. В 4—5 м южнее очага найдены два фрагмента сосудов, один из которых мог относиться к барсовской культуре (см. рис. 8, 2). Другой, возможно, датируется ранним железным веком (см. рис. 8, 3). В 4 м северо-западнее жилища выявлена яма неправильно-овальной формы (1,7×1 м). На глубине 35 см от поверхности от нее в северо-западной части осталось почти 30-сантиметровое углубление. Дно его было плоским, а сама яма заполнена серо-желтым песком с прослойками подзола. В юго-восточной (мелкой) части ямы найден бронзовый проволочный браслет. Каких-либо объектов, с которыми можно было бы связать яму, на поверхности не было заметно.

Постройка 4 (рис. 3) расположена в 3—4 м восточнее жилища 3. Границы и форма ее раскопками не установлены. Лишь в центральной части зафиксировано пространство овальной формы (4,8×4 м), где отсутствовал подзол (скорее всего, он был вытопан или убран специально, вместе с покровом мха). В северной части находилась яма. Хотя не исключено, что она образовалась от падения дерева. Очага не было. Судя по полосе погребенного подзола, опоясывавшей постройку, размер последней — примерно 7—8×7 м. Предположительно, у западной ее стены найдены обломки того же сосуда, что и в жилище 3. Других находок не было. С трех сторон, кроме северной, постройку окружали четыре ямы, причем две из них были общие с жилищами 3 и 5.

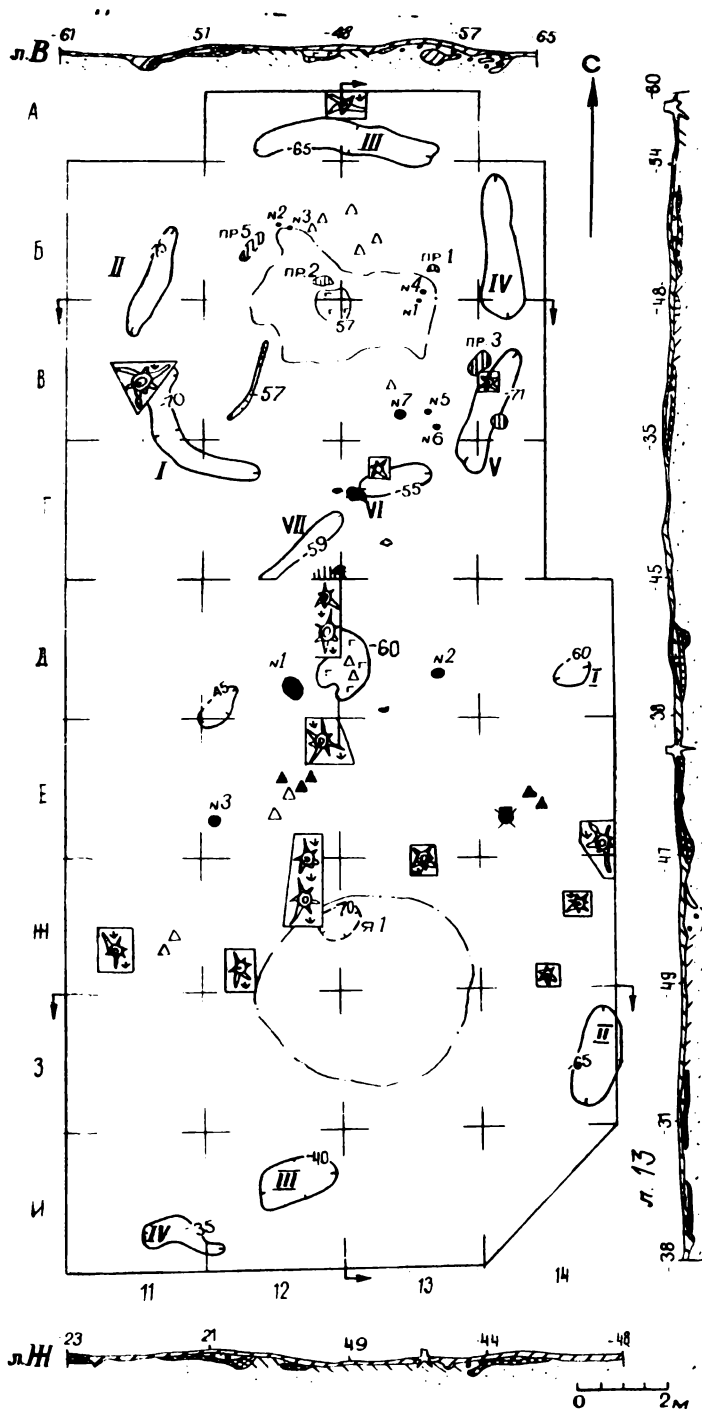
Метрах в трех севернее постройки, между ней и жилищем 7, раскопаны очаг и четыре небольших углубления, часть из которых могла остаться от столбов. Мощность бурой супеси, из которой состоял очаг, достигала в средней части 18 см, а прокала под ней — 7—9 см. Под северной частью очага обнаружен погребенный подзол. В слое бурой супеси найдены фрагменты керамики эпохи поздней бронзы. Обломки от трех барсовских сосудов расчищены к югу и юго-востоку от очага. Вероятно, в позднебронзовое время на этом месте стояло какое-то жилое сооружение.

Жилище 5 (рис. 4) было расположено в 3,5 м к востоку-северо-востоку от постройки 4. В центре ее находился очаг мощностью 10—12 см, под которым зафиксирован провал толщиной 5—7 см. В очаге найдены фрагменты керамики. Вокруг очага, на расстоянии до 2—3 м от него, было вырыто семь ям, и это отличало данное жилище от всех остальных. Размеры ям — от 0,9×0,4 до 2,5×0,8 м. В ямах 1 и 7, расположенных соответственно к югу и северу от очага, было плоское дно, на котором образовалась

серая оподзоленная прослойка. Уплощенным было дно у ям 5 и 6 (к востоку-юго-востоку и югу от очага). Последняя представляла собой самое мелкое — около 10 см — углубление, в заполнении которого присутствовали угольки. Профили остальных ям приближались к треугольным. В одной из них (яма 3 к западу-юго-западнее очага) найдены фрагменты керамики. В придонной ее части образовался подзол, а чуть выше зафиксирована прокаленная прослойка. В пределах постройки выявлено восемь—девять небольших ямок, которые могли остаться от столбов. Закономерности в их расположении нет, что можно объяснить следующими причинами. Бесспорно, от некоторых столбов не осталось никаких следов. В ряде случаев в качестве столбов могли использоваться деревья. Кроме того, ямки могли возникнуть и от естественных факторов (корни дерева, маленькие выворотни, норки животных...). Тем не менее следует отметить ряд из трех ямок вдоль западной стены, двух — вдоль северной части восточной стены и одну — недалеко от очага, в южной половине жилища по его продольной оси. В постройке найдены отдельные фрагменты и развалы шести сосудов, сосредоточенные в северо-западном, северо-восточном и юго-западном (между ямами 1 и 2) углах. Расположение выхода представить сложно. Очевидно лишь то, что он не мог быть с северной стороны, где внешние ямы образовывали почти сплошную канаву. Предполагаемый размер жилища — $9,5 \times 9$ м. С внешней стороны его окружали восемь ям и канав (от $0,9 \times 0,56$ до $5,8 \times 0,9$ — $0,65$ м) глубиной до 30—40 см и более. Еще одна яма находилась южнее жилища.

Жилище 6 (см. рис. 4) — крайнее восточное в ряду, расположено под углом к его продольной оси. Оно стояло примерно в 5—5,5 м к юго-востоку от жилища 5. В центре его был очаг мощностью до 12—15 см, толщина прокаленного слоя под ним достигала 5 см. К северу и северо-востоку от очага выявлены три небольших ямы, заполненные коричневато-желтой и серо-желтой супесью. В одной из них найден фрагмент керамики, а выше его (над ямой) зафиксирован прокал. Между ямами и серединой северо-восточной стены обнаружены все находки, представленные обломками трех сосудов. Еще одна яма, Г-образной формы, находилась у юго-западной стены постройки. Два небольших прокала расчищены по периметру жилища, в восточном углу и между внешними ямами напротив северо-западной стены. Из пяти ямок, оставшихся от столбов (?), три расположены в линию вдоль северо-восточной стены, на некотором удалении от нее. Примерный размер постройки — $8,5 \times 7,5$ м. Выход из нее мог находиться в юго-западной стене. Снаружи с трех сторон (кроме юго-западной) постройку окружали шесть канав длиной от 3 до 4,65 м, глубиной до 30 см и более.

Жилище 7 (см. рис. 3) стояло напротив постройки 4, примерно в 8 м севернее нее (т. е. вне ряда), самое маленькое из всех. В центре его находился очаг мощностью до 20 см, под которым

зафиксирован прокол толщиной до 5—7 см. У южной стены, почти перпендикулярно ей, была расчищена узкая (10—12 см) канавка длиной 2 м. Назначение ее неясно, не исключено, что это след норы. В жилище были выявлены также два небольших прокала и семь ямок от столбов (?). В их расположении не усматривается какого-либо порядка. Прокол у восточной стены длиной 0,75 м мог образоваться под горевшим бревном. Между очагом и северной стеной найдено несколько фрагментов сосудов, еще один фрагмент лежал в 1,6 м к юго-востоку от очага. Других вещей в жилище не обнаружено. Предположительный размер постройки — 5—5,5×5 м. После присыпки стен снаружи (вокруг нее) образовалось шесть канавок длиной от 1,6 до 4 м, глубиной — до 30—40 см. По краям одной из них, напротив стены жилища, зафиксированы пятна прокала. Еще одна канавка, рядом с которой был прокол, раскопана в 1,5—2 м южнее постройки.

Таким образом, по материалам раскопок, все жилища имели сходную конструкцию и отличались в основном размерами. Малочисленность сохранившихся деталей в виде ям от столбов, углей от сгоревших деревянных конструкций и т. д. не позволяет однозначно воссоздать внешний вид построек. Нам кажутся наиболее предпочтительными три варианта реконструкции, из них два — с самонесущими стенами, и один — с каркасно-столбовой конструкцией. В первом варианте жилище представляется в виде бревенчатого сруба, стоявшего на земле. Допустимы, но менее вероятны, сооружения, в которых бревна, образующие стены, крепились между вертикальными парами столбов (в этом случае, на наш взгляд, должно было сохраниться больше ям от столбов). Наконец, в третьем варианте каркас из жердей покрывался шкурами или берестяными полотнищами. Снизу они прижимались лежащими по периметру постройки бревнами, которые одновременно дополнительно крепили жерди, составлявшие каркас жилища. Вероятно, во всех случаях дверь была навесной или приставной. Снаружи стены у основания присыпались песком. При его выборке вокруг построек возникли ямы и канавы, служившие также для дренажа. Данных для реконструкции крыши почти нет. Однако анализ расположения ямок от столбов во всех сооружениях (в первую очередь — 2 и 3) позволяет предполагать ее двускатность. Большее разнообразие — во внутренней планировке. Здесь выделяется жилище 3. Очевидно, его большие размеры потребовали сооружения двух очагов. Такие жилища есть и на других калининских поселениях, в том числе на селищах Барсова гора III/7, III/8 и III/12. Своеобразно жилище 5, по внутреннему периметру которого располагалось семь ям. Но функ-

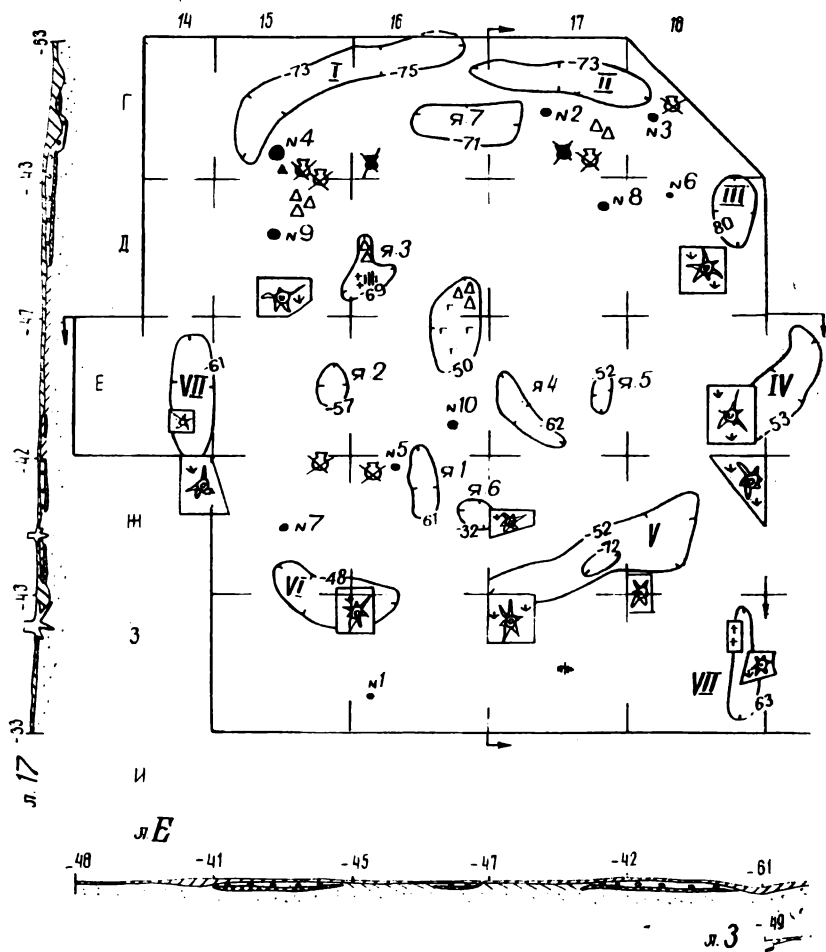
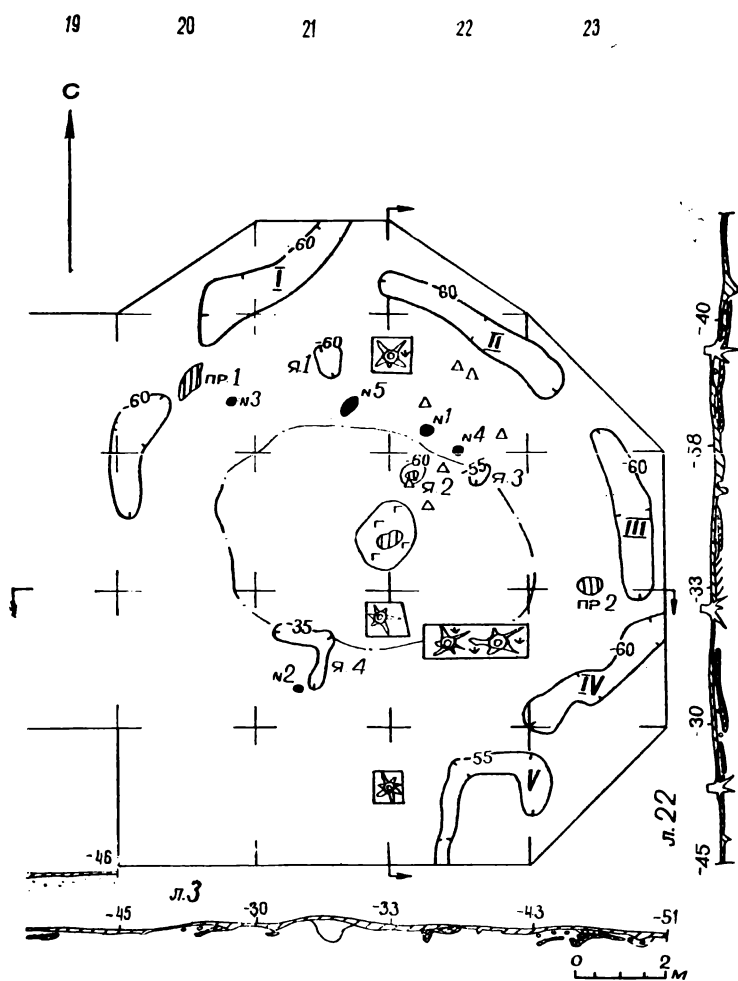

Рис. 4. Селище Барсова гора I/43. План и профили

жилиц 5 и 6 (усл. обозн. см. на рис. 1)

циональное назначение их неясно. Вдоль стен находились спальные места. Очевидно, под ними в первую очередь и сохранился подзол, перекрытый шкурами (?). В этих же местах не должно быть находок. Однако анализ распространения немногочисленных предметов в жилищах не позволил однозначно выявить, где были лежанки (нары). Сооружение 4, в котором практически не было находок и отсутствовал очаг, как нам кажется, — какое-то подсобное строение. Судя по прокалам, углистым вкраплениям, серым прослойкам и находкам керамики в некоторых из внешних ям, последние также использовались жителями поселка в хозяйственных целях. Удаленность селища от воды, отсутствие культурного слоя за пределами строений объясняется, скорее всего, сезонным, а точнее, зимним характером поселка.

Материал, происходящий с селища, представлен в основном керамикой. Найдено свыше 900 фрагментов, минимум, от 39—40 сосудов и обломки тиглей. Крупные гальки из жилищ 1 и 3 использовались, вероятно, как абразивы и молоточки. В этих же постройках в очагах обнаружены капли и сплески бронзы. Наконец, в яме, расположенной севернее жилища 3, найден бронзовый браслет (6,9×5,4 см) (см. рис. 6, 9). Он сделан из проволоки овального сечения диаметром 3×2,4 мм. Несомкнутые концы его приострены. Такие браслеты имеют широкий круг аналогий в лесостепных и степных памятниках скифо-сарматского времени. Найдены они и в могильниках саргатской культуры (Лихачевских курганах) [10, с. 182, рис. 7, 13].

Все тигли (а их в обломках — минимум 3—4 экз.) происходят из первого жилища и имеют ладьевидную форму и плоское дно. Интересно, что они изготовлены по-разному, хотя и близкими способами. Наиболее сохранившийся экземпляр сделан из довольно плотной запесоченной глины следующим образом. К небольшой толстой овальной лепешке (днищу) с боков прикреплен жгут, из которого затем сформировали бортики. В плане тигель имел яйцевидную форму (7,3×5,9 см) (рис. 5, 1). Другой тигель, судя по обломку, сделан похожим способом, но жгут накладывался на днище выше, чем в первом случае. Донная лепешка расформовывалась таким образом, что нижняя сторона ее достигала края тигля (см. рис. 5, 2). Он был изготовлен также из плотной глиняной массы. Сильная ошлакованность краев свидетельствует о его неоднократном использовании. В ошлакованной корочке осталась капля бронзы. Наконец, в третьем случае жгут прикреплялся либо к уже подсохшей лепешке, либо к специально обработанному фрагменту от сосуда (см. рис. 5, 3). Именно в этом месте — стыковки жгута и фрагмента — и произошёл слом тигля. Он сделан из более пористой формовочной массы, очевидно, с органическими добавками. Этот тигель также сильно ошлакован. В целом такие тигли обычны для памятников всех типов и культур переходного периода и раннего железного века таежного Приобья, в первую очередь — Среднего.

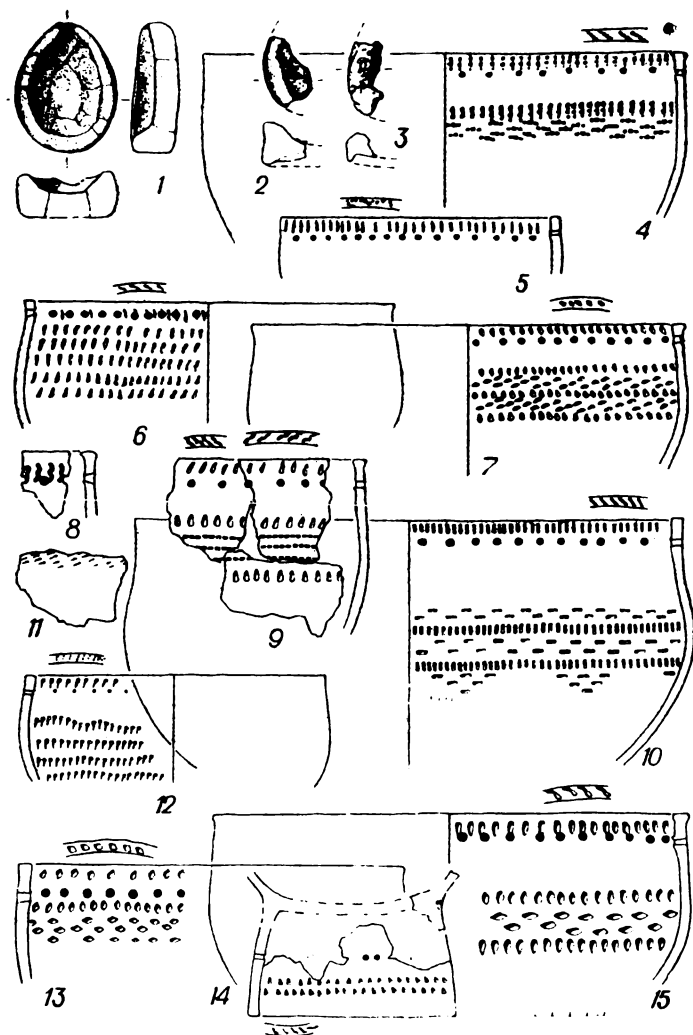

Рис. 5. Селище Барсова гора 1/43. Тигли (1—3), керамика (4—15):
 1—6, 8, 9 — жилище 1; 7, 10 — жилища 1, 3; 11, 12 — жилище 7;
 13—15 — жилище 6

Среди сосудов 22 экз. имели короткую слабо профилированную шейку (горшковидная форма), 12 были без шейки (котло-видная форма) и 4 экз. представляли собой промежуточный тип. Один горшок был с плоским дном (рис. 6, 7), остальные днища, обнаруженные на селище, были округлые. Найдены также три поддона (см. рис. 5, 14; 7, 5). Плоскодонный горшок к моменту его находки был единственным среди калинкинских сосудов. Недалеко от него найдены плоскодонные горшки эпохи поздней бронзы. Поэтому первоначально он был воспринят как позднебарсовский, в облике которого появились черты, присущие следующей эпохе [11, рис. 1, 29]. Детальный анализ условий его залегания, с одной стороны, и новые находки плоскодонных калинкинских сосудов на селище Барсова гора III/20 и Кучиминском XIII городище — с другой, позволили однозначно определить его культурную принадлежность. В 23 случаях удалось измерить размеры сосудов. Пять из них (21,7 %) имели диаметр от 9 до 17 см, 12 (56,6 %) — от 20 до 29 см, и пять (21,7 %) — от 31 до 40 см. Практически все венчики в описываемой коллекции плоские, прямые или расширяющиеся во внешнюю или обе стороны. Лишь у двух обломков небольших тонкостенных (толщина стенок — 3 мм) сосудов округлый венчик, а у одного фрагмента — с карнизиком с внутренней стороны. Один венчик скошен внутрь. Средняя толщина стенок — 5,1 мм, максимальная — 7 мм. В составе глины явно фиксируется примесь шамота, иногда крупнозернистого. Цвет черепков светло-желтый с обеих сторон. Внешняя поверхность под орнаментом обычно хорошо заглаживалась, ниже его и с внутренней стороны сосудов на стенках заметны следы обработки щепой, редко гребенчатым штампом. На некоторых сосудах, в том числе на поддоне, сохранился нагар.

Вся посуда орнаментировалась техникой штампа. Среди последних преобладал гладкий — 41,3 %. Следует отметить, что он не всегда имел четкие прямоугольные очертания. Гребенчатый штамп составлял 23 %, «уточка» — 11,1 %, ромбы, в том числе с поперечной штриховкой — 10,3 %, и четырехугольные небольшие вдавления — 6,4 %. Остальные штампы, в их числе «птичка», использовались единично. Узор начинался на венчике (лишь на трех венчиках не было орнамента). Здесь преобладал гребенчатый штамп — 35 %, гладкий — 17,5 %, ромбический — 10 %, а также птичка и уточка. Оттиски ставились в основном с наклоном влево — 78,7 %, редко вправо — 15,7 %. В орнаменте на шейке (первая зона) тоже господствовал гребенчатый штамп (26,3 %). Гладкий штамп использовался в 23,8 %, уточка — в 13,2 %. В восьми случаях (21 %) эта зона не украшалась. Сам узор представлял собой пояски из вертикальных (58,3 %) с наклоном вправо (25 %) или влево (9,9 %) оттисков штампа. Под первой зоной (изредка накладываясь на нее) наносился разделительный пояс. Он представлял собой ряд из сквозных (кроме трех случаев) ямок диаметром 3—5,5 мм. На одном сосуде ямки были

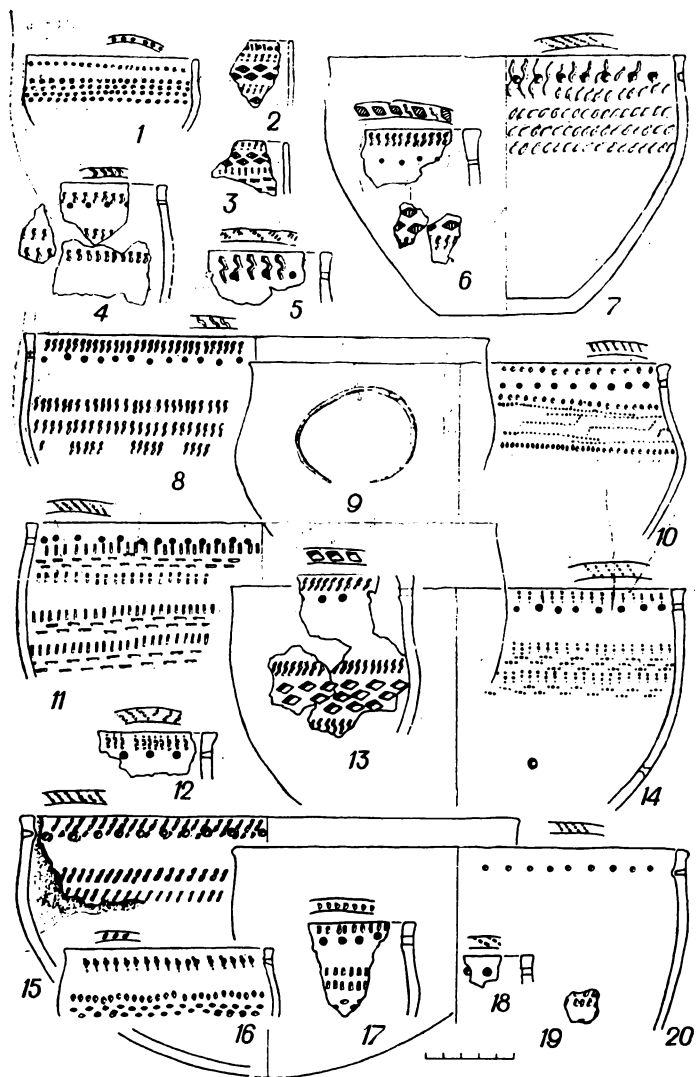

Рис. 6. Селище Барсова гора I/43. Керамика (1—8, 10—20), бронзовый браслет (9):

1—3, 5—8, 12, 13 — жилище 3; 4, 10 — жилища 3, 7; 11, 14 — жилища 3, 4; 9 — уч. Г/7, яма; 15—20 — жилище 2

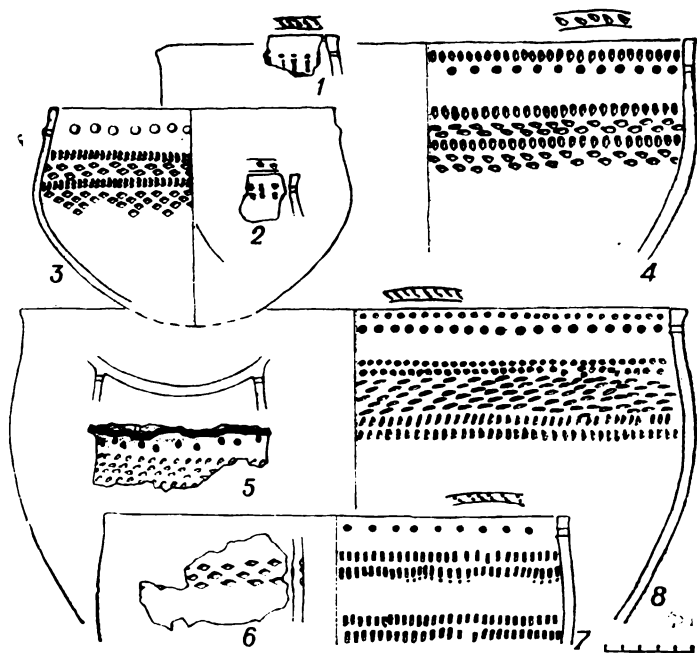

Рис. 7. Селище Барсова гора I/43. Керамика. Жилище 5 (1—8)

маленькими, диаметром 2 мм. Лишь в одном случае разделительный пояс выполнен жемчужинами (рис. 7, 3), а еще в двух — отсутствовал вообще. Под разделительным пояском обычно неорнаментированная зона.

Композиции второй зоны, расположенной на плечиках и верхней части тулова сосуда, более разнообразны. Кроме поясков разнонаклонных оттисков штампов, здесь есть и пояски из расположенных в шахматном порядке или сгруппированных по три-пять оттисков, меандры (см. рис. 6, 10), треугольные фестоны (см. рис. 5, 10; 7, 3). В целом соотношение между видами штампов и орнаментальными мотивами, встречающимися в сосудах селища Барсова гора I/43, отражено на рис. 8. Узоры наносились и на поддоны. Они представляли собой пояски из сгруппированных сквозных ямок и разнонаклонных оттисков гладкого или гребенчатого штампов (см. рис. 5, 14; 7, 5). Орнаментировался даже нижний срез поддона.

В целом керамику селища I/43 нельзя считать типичной для калининской культуры. Удивительно, что только однажды в разделительных поясках использовались жемчужины. Котловидная форма сосудов, сквозные ямки в разделительных поясках, а также ромбический штамп более характерны для белоярской посуды. Относительно много сосудов, на которых есть оттиски

Положение		Ш Т А М П														Итого
		2	2A	3	4	5A	6	6A	8	8A	18A	19	20	27	27A	
1			2,4							2,4	4,0				8,7	
3		11,9		19,8		2,4	7,1	2,4		1,6					45,7	
3/4		0,8		3,2											3,9	
4		2,4		4,0	0,8		0,8			0,8			0,8	3,2	0,8	13,4
5		0,8		4,0												4,7
6A								3,2								3,1
6B									2,4							2,4
7		2,4		6,3					1,6							10,2
8	 3-4 ряда	1,6		2,4												3,9
9				0,8			0,8									1,6
22A				0,8					0,8							1,6
26		0,8														0,8
Итого		20,6	2,4	41,3	0,8	2,4	8,7	2,4	3,2	7,1	2,4	4,0	0,8	3,2	0,8	

Рис. 8. Соотношение между видами штампов и орнаментальными мотивами, встречающимися на сосудах селища Барсова гора I/43.

* Разница в 0,1 % между суммой процентов в строке и итоговой объясняется округлением результатов до десятых при подсчете на компьютере

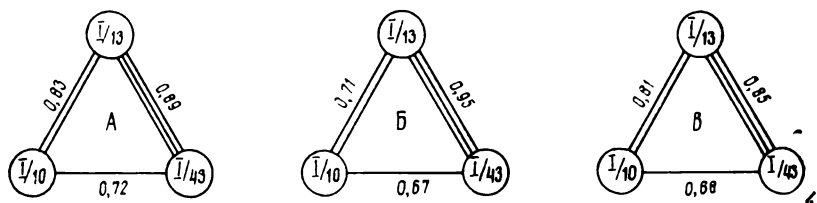

Рис. 9. Графы сходства керамических комплексов поселений Барсова гора I/10, I/13, I/43:

А — по видам штампа, Б — положению штампа, В — орнаментальным мотивам

«уточки», широко распространенной в кулайскую эпоху. Наиболее типичными, обладающими атрибутивными признаками калинkinской культуры, являются сосуды, украшенные оттисками, расположенными в шахматном порядке, и поясками таких же вертикальных или наклонных оттисков (см. рис. 5, 4, 10, 15; 6, 11, 14, 17; 7, 4). Сравнение сосудов селища с калинkinской посудой уже опубликованных городищ Барсов городок I/10 и I/13 [2, рис. 4; 12, рис. 3; 14—16, рис. 4] показывает их большую близость³ (рис. 9). Керамика селища I/43 как бы отражает процесс взаимодействия, ассимиляции калинkinской культуры белоярской и появления признаков следующей эпохи. Таким образом, типологически она выглядит поздней в рамках калинkinской культуры. Очевидно, этот вывод можно распространить и на весь памятник.

Как уже отмечалось, облик материальной культуры калинkinских памятников типичен для памятников железного века [6, с. 138; 11, с. 66, 69]. Однако до сих пор ни одного железного предмета на них не найдено (исключение — железный нож (?) с городища Нумто II). Нет также никаких свидетельств о наличии черной металлургии или металлообработки. Поэтому представляется более правильным определить эпоху существования калинkinской и синхронной ей белоярской культур, по крайней мере — на ранней стадии, как переходную к раннему железному веку. Что касается абсолютной даты — VI (V) — III вв. до н. э., то она определена приблизительно, исходя из сравнительно-типологического анализа различных элементов материальной культуры, а также стратиграфических и планиграфических наблюдений над залеганием белоярских, калинkinских и кулайских древностей. По мере накопления материала, очевидно, хронология калинkinской культуры будет уточнена.

Как отмечалось, в раскопе выявлены материалы эпохи бронзы. В силу слабой освещенности этого периода в литературе они также заслуживают подробной характеристики. Коллекция представлена обломками шести-семи сосудов барсовской культуры. Они найдены в основном в северо-восточной части раскопа, на участках Ж/10, Е/12, 14 и Г/15-17 (следов каких-либо построек здесь не обнаружено, исключая ранние очаги на участках Д/10 и Д/12-13; не выражены они и в рельефе поверхности к северу от раскопа). От одного из горшков сохранилось около ста фрагментов, и его удалось реконструировать полностью. Один сосуд баночной формы (рис. 10, 1), остальные — горшечной, в основном слабопрофилированные с невысокими шейками, плоскими венчиками и днищами. Судя по обломкам, они были сравнительно крупные, диаметр по венчику — до 30-36 см. Средняя толщина

³ Таблицы первичной обработки керамики заполнены автором и Н. В. Шапуновым. Обработку их на компьютере выполнила Н. А. Ганьжина. Сравнение производилось по коэффициенту корреляции [13, с. 144].

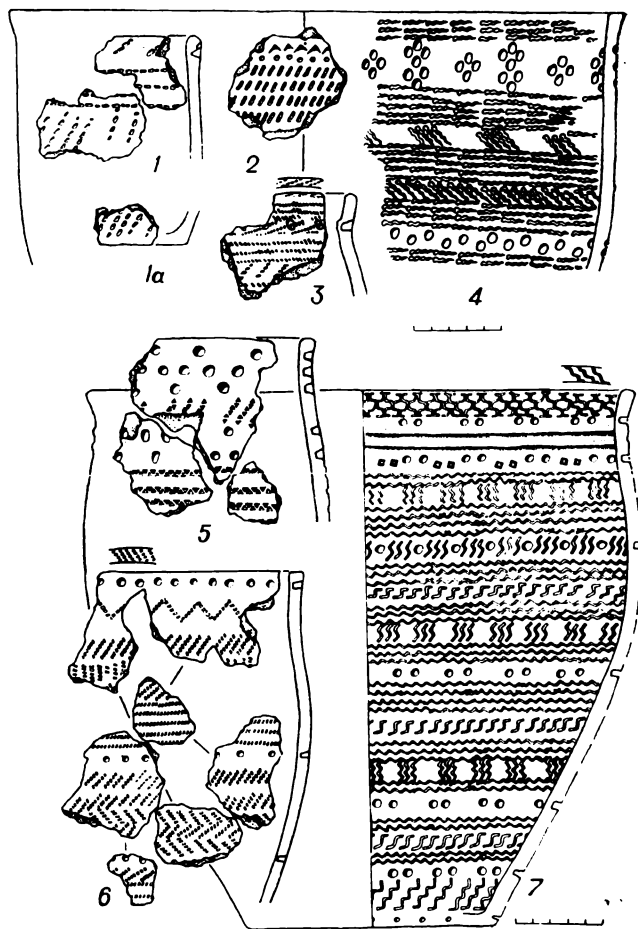

Рис. 10. Керамика барзовской культуры (1—7):

2, 3 — эпоха бронзы (?); 1 — уч. Е/12; 2, 3 — уч. Ж/10; 4 — уч. Г/17; 5 — уч. Е/14;
6 — уч. Е/14, Г/15; 7 — уч. Г/16

стенок — 7,2 мм. Поверхность их хорошо заглаживалась. В глине визуально прослеживается примесь шамота. Судя по пористости некоторых черепков, добавлялась и органика.

Все сосуды орнаментированы штампами. Узор наносился на всю поверхность (от венчика до днища), в трех случаях был украшен и венчик. Ничего нельзя сказать об орнаментации днищ, так как они не сохранились, но в целом для барсовской культуры узоры на днищах — не редкость. Пять сосудов украшены гребенчатыми штампами, которые весьма разнообразны. Среди них были и с косо-, и с прямонарезанными, и с взаимопроникающими треугольными зубцами; короткие и длинные (с частыми и редкими зубцами). На штампах нарезалось от четырех до шести зубцов. Один горшок орнаментирован, вероятно, прокатанным штампом (см. рис. 10, 4), однако его принадлежность к барсовской культуре (и даже к эпохе бронзы) небесспорна. Гребенчатые узоры представляли собой чередующиеся ряды наклонных, вертикальных и горизонтальных оттисков штампа, однорядовый зигзаг, горизонтальную елочку (см. рис. 10, 1, 3, 5, 6). На фрагменте стенки одного из сосудов, кроме монотонных рядов наклонных оттисков, нанесен ряд угольковых вдавлений, отделенный от гребенчатого поля рядом небольших ямок (см. рис. 10, 2). Разделительные пояски из ямок разного диаметра присутствовали и на остальных сосудах. На одном сосуде ямки образовывали зигзаг и треугольники (см. рис. 10, 5). Кроме того, имеется сосуд, на котором ямки нанесены не торцом круглой палочки, а наклонно поставленным штампом (см. рис. 10, 1). Еще один сосуд был украшен струйчатым штампом (см. рис. 10, 4). Композиция его состояла из широких — трех-пятирядных поясков горизонтальных оттисков, а также наклонных, в том числе сгруппированных по три-четыре. Разделительные пояски из неглубоких овальных ямок представляли собой чередующиеся одинарные и двойные ромбы (вверху) и короткий зигзаг (посередине тулова). Но наиболее интересен реконструированный горшок (см. рис. 10, 7). Он украшен штампами, характерными для посуды сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности эпохи раннего железа. Среди них — по два варианта уточки и змейки, птичка, а также рамчатый крест, типичный для барсовской керамики. Венчик его орнаментирован наклонными влево оттисками змейки. На шейке этим же штампом нанесена фигурная сетка. Основание шейки оформлено пояском сдвоенных ямок и двумя сформованными невысокими валиками. Под ними проходил еще один поясok из чередующихся сдвоенных ямок и отпечатков рамчатого креста. Орнамент на плечике и тулове представлял собой пояски из двух-четырех рядов горизонтальных оттисков штампа в виде змейки, чередующихся с поясками из сгруппированных по три вертикальных оттисков птички, уточки и змейки, сдвоенных ямок и равномерно нанесенных уточек. (В пояске, расположенном на переходе от плечика к тулову, строен-

ные уточки разделены еще и ямками.) В придонной части композиция заканчивалась наклоненными вправо отпечатками змейки и рядом ямок небольшого диаметра. Было ли украшено днище — неизвестно, так как оно не сохранилось.

В целом коллекция характерна для развитой (средней) и поздней барсовской культуры, датирующейся концом II — началом I тыс. до н. э. [6, с. 137; 11, с. 62—64, рис. 1; 14]. М. В. Елькиной подобные памятники отнесены к первой группе [3, с. 107—109, рис. 3; 4, с. 72]. Остатки построек примерно этого же времени были раскопаны на многослойном селище Барсова гора I/40, что в 100—150 м к северо-западу от селища Барсова гора I/43 [15, с. 115—119, рис. 2, 3]. Не исключаем, что барсовские жилища обоих селищ в древности составляли один поселок. Хотя коэффициент сходства между керамикой из разных жилищ селища I/40 выше, чем между ней и коллекцией из селища I/43, но это может быть и следствием малочисленности сосудов в каждой постройке, и достаточным разнообразием в их орнаментации, и хронологическим разрывом в существовании жилищ в пределах одного поселка. Вполне вероятно также, что барсовская постройка была одиночной, тем более, что такие поселения известны (селище Барсова гора I/50).

Форма барсовских сосудов типична для керамики эпохи поздней бронзы таежной зоны Западной Сибири. Основные отличия от инокультурной посуды — в многообразии штампов, применявшихся для их украшения. Определенное сходство прослеживается между барсовской и лозьвинской керамикой (Северное Зауралье, бассейн р. Конды). Оно проявляется в использовании одинаковых штампов (в том числе крупный прямой крест, птичка, змейка и, конечно, гребенчатый), а также в узорах, среди которых выполнены ямками зигзаги, ромбы и другие фигуры. В то же время среди лозьвинских сосудов встречаются круглодонные формы; для них более характерен прокатанный штамп. Тем не менее вполне вероятно, что при расширении источниковой базы и соответственно более детальном углубленном анализе обеих культур появится основание для объединения их в одну культурно-историческую общность, занимавшую таежные районы Северного Зауралья и Среднего (а возможно, и Нижнего) Приобья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чемякин Ю. П. К периодизации раннего железного века в Сургутском Приобье // Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975. Ч. II.
2. Чемякин Ю. П., Коротаев В. П. Многослойное городище Барсов городок I/10 (к периодизации археологических памятников в Сургутском Приобье) // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976.
3. Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977.

4. Елькина М. В. Новые данные о поселениях раннего железного века Сургутского Приобья (к вопросу о культурной принадлежности) // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978.
5. Полосьямак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987.
6. Чемякин Ю. П. Сургутское Приобье во II—I тысячелетиях до н. э. // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т. 1.
7. Чемякин Ю. П. Поселения и постройки раннего железного века Сургутского и Нижнего Приобья (в печати).
8. Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984.
9. Кернер В. Ф. Отчет о разведке археологических памятников в районе Барсовой горы в 1974 г. // АКА УрГУ. Ф. II. Д. 258.
10. Генинг В. Ф., Корякова Л. Н. Лихачевские и Черноозерские курганы раннего железного века Западной Сибири // СА. 1984. № 2.
11. Чемякин Ю. П. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989.
12. Чемякин Ю. П. Городища Барсов городок 1/13 и 1/14 // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981.
13. Лакин Г. Ф. Биометрия. М., 1980.
14. Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф. Новое поселение барсовской культуры (предварительная публикация) // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991.
15. Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф. Поселение начала I тысячелетия до н. э. на Барсовой горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.

Л. Н. КОРЯКОВА, А. С. СЕРГЕЕВ

СЕЛИЩЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ДУВАНСКОЕ II

Цель настоящей работы — публикация материалов исследований селища Дуванское II — одного из немногих (практически полностью раскопанных) памятников севера зауральской лесостепи. Поскольку эти результаты частично привлекались [1—6] для анализа различных проблем раннего железного века, мы дадим краткое описание всех объектов с минимальным объемом интерпретации.

Селище открыто В. М. Морозовым в 1979 г. в Тюменском р-не Тюменской обл. Оно находилось на небольшой дюне правого берега р. Дуван, в 500 м к югу от ее русла. Визуально на поверхности было зафиксировано семь неглубоких впадин (диаметр — от 6 до 12 м), сгруппированных в центре дюны.

С 1979 по 1982 г. шестью раскопами исследовано¹ около 2000 м². Обнаружены остатки четырех многокамерных жилищ

¹ Руководитель раскопок Л. Н. Корякова.